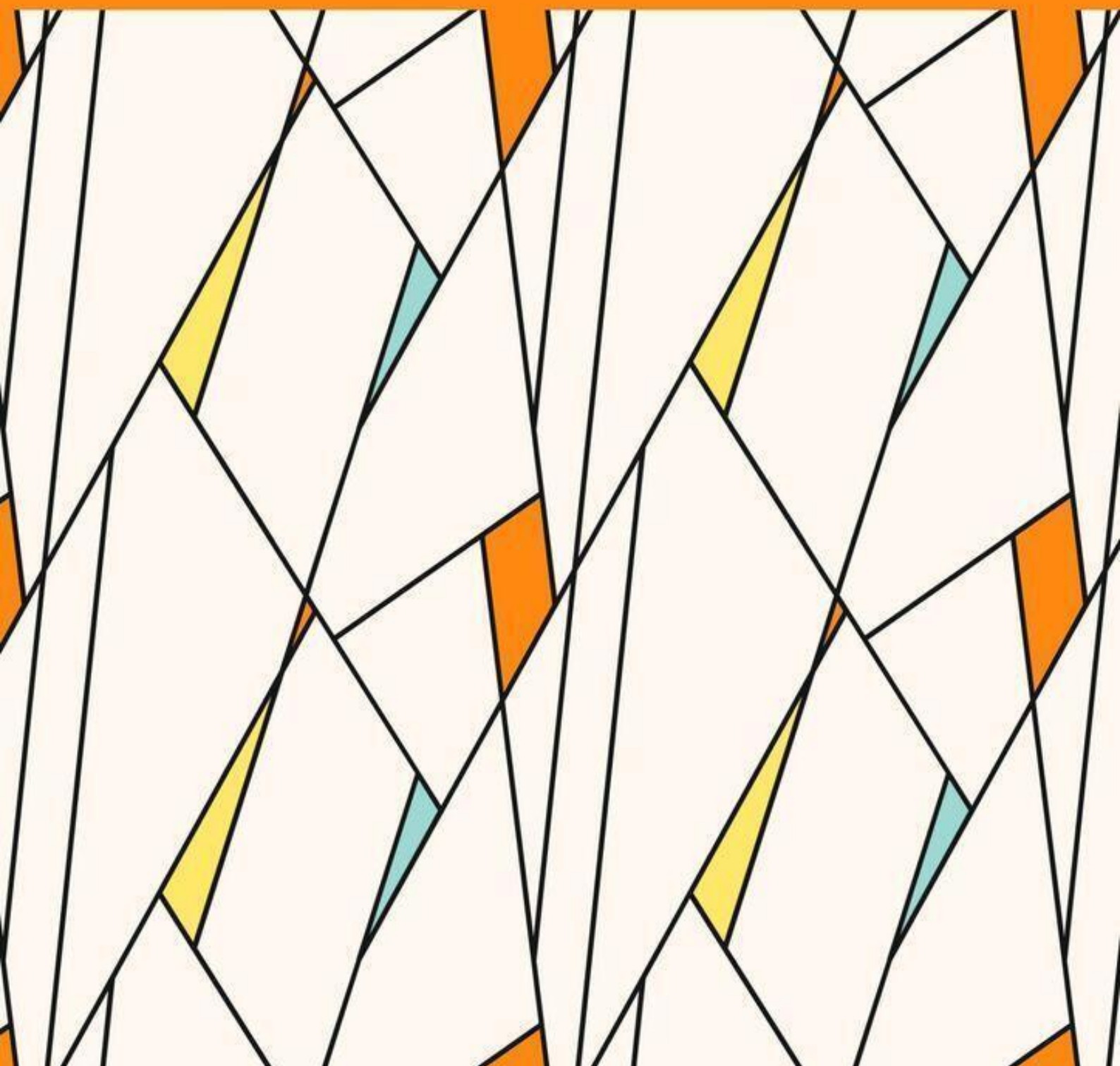

18+

Вадим Никифоров

Вдохновение или смерть

Вадим Никифоров

Вдохновение или смерть

«Издательские решения»

Никифоров В.

Вдохновение или смерть / В. Никифоров — «Издательские решения»,

В пасмурном Дублине бродит загадочная женщина в белом пальто. Она — настоящая Муза. Для одних её появление становится последним шансом на бессмертие в искусстве, для других — суровым испытанием. Обладая таинственным даром и странным «контрактом» с реальностью, она ищет тех, кто действительно достоин искры вдохновения. Но в мире, где амбиции встречаются чаще, чем подлинный талант, Музе предстоит столкнуться с горькой изнанкой человеческой посредственности.

© Никифоров В.

© Издательские решения

Вдохновение или смерть

Вадим Никифоров

© Вадим Никифоров, 2026

ISBN 978-5-0070-5450-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

— Архитектору муза нужна!..

— А поэту?..

— А мне? Я художник?

Кабак переполнен. По пятницам скидки для таких, как они. По пятницам здесь не появляются нормальные люди. Я не — ненормальная. Я захожу:

— Здравствуйте! Кому тут муза нужна?!

Гомон стих. Я стою на подмостках в свете единственной лампочки. В темноте сигарет, пьяных вздохов и скрипучих столов испуганно пискнули:

— Мне?..

— Ну пойдём!

Этот счастливчик потом будет врать, как у него вдохновение, а у музы мурашки по коже, и что он открыл для себя новый уровень. Никто не поверит ему. Все знают, что после музыки стреляют в себя, или спиваются, или топят. Но, есть вероятность, что останется что-нибудь путное после него...

— Как в песне поется: «Это все, что останется после меня» [1]. После меня же останется?

Человек семенит, человек лебезит, человек представляет меня греческой статуей, что снизошла до обычного смертного и осенит его.

— Щас... Где-то ключи...

Мы у двери. У него на втором этаже, ниже — паб, выше — бабка, глухая и громкая. Дверь в надписях мелом: Заплати или выселю. Сволочь, пятерку верни! И Колин — дурак.

— Эту я написал. Для разнообразия. Где же ключи?..

— Так открыто же...

Дверь распахнулась, и запах ничтожности вышел на лестницу.

— Ну? А, ты муза... Ну, может, поможешь ему...

Запах отправился в паб. Мы вошли. На столе, на кровати, на подоконнике много бумаги.

— Пишу, все пишу... И не выходит...

— Ну, раздевайся...

Через четыре часа он повесился. Мы честно старались, но у него не выходит. Когда нет таланта, никто не поможет. На прощание сказал:

— Спасибо, открыла глаза.

— Может, женишься?

— Нет. Теперь все бессмысленно.

В пабе сказала, чтобы звонили в полицию. У них на втором этаже дверь нараспашку... Запах лежал под столом, пьяный в стельку. В обнимку с собакой, и говорил ей:

— А ты ничтожество?

Псина не понимала и лизала его. Запаху нравилось.

Я не выбирала занятие. Родился красивым — неси этот крест, человек. В восемнадцать хотели меня изнасиловать, потому что «Ну просто нельзя быть красивой такой», в двадцать

— три предложения замуж, а в двадцать пять — я пошла по мосту, посмотрела на воду и подумала: «Смысл быть красивой игрушкой?»

Я очнулась на облаке. В белом пальто, мокром, холодном, и подумала:

— Вот наказание для самоубийц...

И тут появляется некто:

— Так, пальтишко снимаем. Простудишься.

— Я умерла?

— Ты умерла. Снимаем, снимаем...

Сняла.

— Согреваемся, — сунул бутылку.

— Это что?

— Не всё ли равно? Согреваемся.

Выпила. Сразу тепло.

— Ну, давай разговаривать...

— А вы ангел?

— Ага.

— Или вы черт?

— Тоже ага.

— Так вы кто?

— Ты и скажи.

— Я не знаю...

— Обидно. Но ладно. Значит — ты не творец.

— Я Лиззи Монтгомери...

— Э, э, мне имена не нужны. А то вдруг привяжешься, будешь переживать...

— Значит, вы ангел.

— А может, творец... — некто пощупал пальто:

— И пальто уже высохло... Так, хочешь на Землю?

— Обратно? Зачем?

— Ну как это... Жить... И есть дело одно...

Оказалось, им муза нужна. Им — компании нектов. Мол, на Земле ни у кого очень давно нет вдохновения, и настоящая муза может помочь.

— Но сколько примеров!..

— Это обычные женщины. Их воображают. А ты — настоящая. Будешь. Ну как, по рукам?

— А мне что за это?

— Ты же сбежала от объективизации?

— Эка хватил, — засмеялись в компании нектов. Их не видно, но слышно.

— У тебя будет смысл. Ты вдохновляешь мужчин, они посвящают тебе произведения...

Если бы были мужчины. Одни неудачники. Прячутся в прозе, в стихах, в картинках своих, лишь бы не думать о вечности, которая смотрит в компании нектов этот жалкий спектакль и продолжает надеяться. Теперь — на меня.

— Ну, давай. Это твой дом, это пальто твое, высохло, это деньги на первое время, это справка возможностей, это... не знаю, зачем, но пригодится. Пока.

— Погоди...

Некто встал на пороге.

— А когда я вернусь? И куда я вернусь? Обратно на облако?

— Не в моей компетенции. У нас договор — ты получаешь бессмертие на время работы, способность летать, что еще, а, снабжение, чем у вас тут снабжаются, и мы квиты. И все. Ну, живи тут...

— Пока...

Это — мансарда. Из окон с одной стороны видно доки и море, с другой стороны — вид на Дублин. На Монто [2] такая мансарда одна, в заброшенном доме, в который боятся зайти даже бродяги и алкоголики. Видимо, слава дурная. Я в белом пальто, у меня есть ключи от мансарды, две крупных купюры, и я в магазине, где продают все для дома.

— Мне нужны полотенца, постельное, мыло, шампунь, посуда какая-то... Да, мне посуда нужна!

Безразличная женщина в синем халате, с прической набитой чулками и тряпками:

— На сколько персон?

— На одну.

— Молодая, красивая и одна?

— Это запрещено?

— Это не неразрешимо... Давайте бумажку. Я соберу вам по списку.

Мы подружились. Шивон. Прическа — шиньон, как у Бардо в «Бабетта идет на войну» [3]. Не смотрела, не знаю. Одна, как и я. Ездит с юга работать на Монто. Мечтала о браке, о куче детей, но не вышло. Была у меня, сказала, что дом не существует на планах. По документам снесен. Местные жители думают, что это плохая примета — жить в несуществующем доме. Мол, или примешь иллюзию, что живешь в существующем доме, или исчезнешь, как дом, из документов.

— А может — из жизни!.. — Шивон принесла бутылку вина, и мы пьем на подоконнике. Вид из окна восхитительный. Дублин краснеет в закате, весна носиться с запахом нового с нотками грусти о прошлой весне и послевкусием прелости.

— Что осталась от прошлого года. Чувствуешь. Пахнет?

— Ага.

— Я думаю — все изменяется. Все и из меня!.. — Шивон расхохоталась и подавилась вином. И пролила на пальто. Окно нараспашку, на улице зябко, и мы обе в пальто.

— Черт, пятно.

— Ну ничего, это же красное.

Шивон ходит в красном. В магазине у ней синий халат, но в основном она в красном. Я в белом. Когда мы идем вместе под руку, люди глядят с восхищением. В сером Дублине яркое — редкость.

— Ну да. Но все равно же пятно... Да и пофиг! Я что, я вот думаю — все изменяется. Рисуй, сочиняй, делай скульптуры, дома — все исчезнет со временем!

Время — враг номер один для Шивон. Её красота исчезает во времени. Она против. Воюет как может: маски, кремы, диета. Сегодня — день непослушания. Пьем и курим.

— Давай сигарету. Я что говорю — а зачем тогда? А? Все это делать?

— Ну, людям нравится.

— Людям... Да славы хотят! Или денег! Ты вот небось, тоже хочешь?

— Не знаю. Не думала...

— Как же. А я вот подумала, у меня деньги есть уже... Слава, но в чем?

— И в чем?

— Я не знаю. Давай, наливай...

Мы напились и бродили с фонариком по трем этажам, что держат мансарду на высоте. Столько квартир, столько брошенных жизней.

— Они переехали, правда же? — голос Шивон немного дрожит.

— Я не знаю.

— Но ты же живешь здесь.

— Я недавно живу.

Это правда. После самоубийства здесь, на Земле, все по-другому. Это шестидесятые. Дублин переменялся с двадцатыми. Женщины ходят в коротком, мужчины опрятны, никто не позволяет себе сальные шуточки, и автомобили красивые.

— Боже, автомобили. Я бы хотела один...

Мы в салоне автомобилей. Шивон, как обычно, в красном пальто. Я сняла свое.

— Душно у нас. Хотите, открою окно? Чашечку чая? — менеджер, парень в костюме, жужжит, словно муха, что очнулась после зимы и торопится жить.

— Да, откройте. Да, чай, — Шивон наслаждается этим вниманием. Парень ей не подходит по возрасту. Но какая ей разница?

— Чай. Сахар, сливки. Ну, как присмотрели себе?

Перед нами автомобили. В салоне устроено так: столик и кресла на возвышении, а автомобили рядами внизу. Смотрят преданно.

— Ну, мне нравится красная...

— Выбор понятен.

— Что вам понятно?!

— Да так, ничего...

А мне нравится белая. Тоже выбор понятен. Но еще у нее такие глаза в хромированных рамках, что хочется свистнуть ей: «Эй, а поехали?!» И она заурчит и поедет с тобой далеко, далеко. Долго, пока не отстанет тоска. Только одно непонятно — откуда тоска у меня?

— Можно оформить кредит. Можно скидку. В нашем салоне...

— Беру. Эту. Белую.

Я же могу любое снабжение, да?

— Банк подтвердил. Поздравляю с покупкой. Хотите, я вам покажу, как все работает?

— Нет. Мы с ней договоримся...

Шивон покаталась по Дублину, попросила подбросить до дома и вышла:

— Ну ладно, пока. Следи за дорогой, не отвлекайся в красивой машине своей...

— Это зависть, Шивон?

— Я не знаю. Пока.

А были подруги. Машина урчит, ей нравится ехать, а мне, кроме нее, не с кем поговорить.

— Я приду и скажу: мы же подруги, Шивон. Хочешь, я и тебе куплю автомобиль?

— Красный, — машина урчит.

— Может, и красный. Какой она выберет.

Мы поднимаемся в гору. Слева синее море, справа гора в желтых кустах. Осень внезапно, все желтое. Я только в белом в белом автомобиле. С Хоута [4] вид. Слово такое. Не знаешь, как описать что-то красивое, и говоришь просто: вид. Идет пароход, чайки носятся, трактор зеленый по желтому склону, серые домики около кромки воды, красно-белый маяк на мысу, и я в белом автомобиле.

— Красиво же?

Вид благосклонно кивнул. Он — красивый.

— А почему мне тоскливо?

А мне очень тоскливо.

Вид не знает. Он вид.

— Может, из-за Шивон?

— Съезди, проверь.

Не из-за Шивон. Мы помирились без автомобиля. Между прочим, за ссору она переспала с парнем, который мне продал автомобиль. Ей не понравилось.

— Он молодой. Все торопится. Но с паршивой овцы... Ты-то как?..

— В смысле?

— Ну, это? Давно?

Я — ни разу. Как-то не задалось. Сначала ребенок, потом собрались меня изнасиловать, что тоже не располагает, потом самоубилась, и вот.

— Очень давно. То есть — ни разу.

— Да ну?!

Это была идея Шивон.

— Это приличное место. Я не говорю, что сразу найдешь жениха, но познакомиться...

— А ты почему не познакомилась?

— Да не сложилось...

— Шивон! Заходи! Это что за подруга?

— Лиззи Монтгомери. Есть что-нибудь выпить? Там холодина такая...

— Для тебя? Да, конечно. Здравствуй, Лиззи Монтгомери, тебе тоже налить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.